

DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.06

УДК 111.11

ПЕРЕЖИВАНИЕ ПАДШЕСТИ И НЕПОДЛИННОСТИ НАЛИЧНОГО БЫТИЯ КАК МОДУС ЭКЗИСТИРОВАНИЯ В ХРОНОТОПЕ СОВРЕМЕННОСТИ

А.В. Политов

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

Актуальность работы определяется научной значимостью философских и культурологических исследований в области онтологических и экзистенциальных оснований бытия современного человека в пространстве наличной культуры первой четверти XXI века, пребывающей в периоде сложного комплекса множества социальных трансформаций. Целью статьи является раскрытие основополагающих особенностей экзистенциального самоощущения и мироощущения – понимаемого в качестве модуса бытия индивида в наличном хроносе – развертывающегося в переживании современным своим временем. Методологической и общетеоретической основой интерпретации служит широко известная в философии и культурологии второй половины XX столетия теория хронотопа (выражающая пространственно–временное единство бытия), позволяющая раскрыть и дополнить онтологическое соотношение материи и эйдоса взаимосвязанностью пространства и времени, в итоге чего основание бытия сущего предстает в качестве четверичного единства фундаментальных бытийных атрибутов (материи, эйдоса, хроноса, топоса). В результате исследования раскрываются ключевые элементы, характеризующие социокультурное состояние современности – особенности наличного хроноса, определяющие границы и содержание культурного топоса. В обращении к ним демонстрируется, что в очерчивании современным пониманием своего жизненного пути в «здесь» (топос) и «сейчас» (хронос) конкретной событийности существования раскрывается хронотопологическая структура его бытия, определяемая прежде всего временем как собственно существованием сущего. В свете данной интерпретации взгляд современника на наличное бытие, в хронотопе которого он существует, оказывается не субъективным отражением конкретной культурно-исторической ситуации, а преломлением времени в личностном хронотопе, явлением самой бытийной матрицы человеческого экзистирования в жизненном пути индивида.

Ключевые слова: хронотоп, современность, время, пространство, бытие, онтология, культура, общество.

EXPERIENCE OF THE FALLENNESS AND THE UNCERTAINTY OF BEING AS A MODUS OF EXISTING IN THE CHRONOTOPE OF THE PRESENT

Andrey V. Politov

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

The relevance of the work is determined by the scientific significance of philosophical and cultural studies in the field of ontological and existential bases of man's being in the modern culture of the first quarter of the XXI century considered to be the period of social transformations. The purpose of the article is to reveal the fundamental features of existential self-perception understood as a mode of being of an individual in a modern time. The theory of the chronotope (which expresses the spatio-temporal unity of being) widely known in philosophy and cultural theory of the second half of the XX century serves as a methodological and theoretical basis of the research. It allows us to discover and supplement the ontological correlation of matter and eidōs with the interconnectedness of space and time, as a result of which the foundation of being is presented as the quaternary unity of the fundamental existential attributes. As a result of the research the features of the modern time – defining the boundaries and the content of culture and characterizing the socio-cultural state of the present – are revealed. In outlining the contemporary understanding of one's course of life in space and time of the concrete eventuality of existence the Chrono topological structure of being is revealed determined primarily by time. The contemporary's view of existing in the chronotope of which man exists does not appear to be a subjective reflection of a concrete cultural and historical situation but a refraction of time in a personal chronotope, a phenomenon of the existential matrix of human being in the individual's course of life.

Keywords: chronotope, modernity, time, space, being, ontology, culture, society.

Настоящий очерк призван запечатлеть в виде основных положений экзистенциальное переживание автором хронотопа современности – наличного хроноса первой четверти XXI столетия. Время/хронос есть бытие сущего, временение/существование его в точке настоящего, в «здесь/сейчас». Ощущение времени является экзистенциальной настроенностью на него современника – нечто большим, чем субъективное переживание (хотя от него и несвободным) индивидом собственной жизни. Настроенность на хронос сопряжена с расположенностью экзистирующей самости к хронотопу/в хронотопе современности; модус бытия зависит от отношения к бытию. Описание времени современником, разумеется, всегда будет нести в себе некоторую превратность; но дело заключается в том, чтобы в описании различить явление самого времени – явление самого бытия человека в единстве его «сейчас»/хронос и «здесь»/топос; бытийная конфигурация человеческого существования и есть его хронотоп – четверичная структура, образованная хроносом, топосом, материей и эйдосом [1, с. 24–32]; без присутствия фундаментальной диалектики последних двух в хронотопичной структуре соотношение времени и пространства было бы невозможно, поскольку становление времени – собственно бытийствование бытия – исходит из эйдоса как первоначальной бытийной матрицы. Обращаясь к размышлению о сущности настоящего времени, мы апеллируем к хронотопологическому основанию человеческого бытия; рассматривая эпоху с исторической перспективы, мы погружаемся внутрь ее хронотопа. Иная ситуация с наличным хроносом: мы уже погружены в него, уже настроены на него, являясь носителями его семантического пространства – современной культуры; современник описывает свое время, естественно находясь внутри своего хронотопа; исследователь, обращающийся к прошедшему времени, искусственно себя погружает в реконструируемый в пространстве мышления топос культурно-исторической эпохи. Сущность же рассмотрения в обоих случаях в конечном счете определяет настроенность на время – чувство бытия, схваченное в философской рефлексии, являющее экзистенциальное переживание человеком хроноса и топоса, определяющих и его наличное бытие (модус падшести), и его экзистирование (модус подлинности).

От эпохи естественной тьмы к эпохе искусственного света. Никогда еще человечество не жило в столь комфортных условиях, как во второй половине XX века. Этот период продолжается и в наличном хронотопе, границы которого очерчены первым и вторым десятилетиями XXI века. Всю свою предыдущую жизнь человечество пребывало во тьме и лишь относительно недавно вырвалось к свету¹. Во тьме создавались подземные помещения и ходы лабиринтов древних цивилизаций, во тьме пещеры произошел, вероятно, иницирующий акт протописьма [3, с. 422]. Удел подземелья и пещеры состоял в постоянном пребывании в темноте. В камерах древнего подземелья тьма являлась обыденностью, свет же был странен, одинок и чужд. Свет несет с собой первооткрыватель катакомб, откопавший их спустя тысячи лет их пребывания во тьме². Но разве история европейской цивилизации протекала на свету дня? Нет, она также лежала в непроглядной тьме. Величайшие произведения искусства были созданы в темноте. День короток, темнота превалирует над светом. Но не только в природной темноте заключается дело; величайшие творения искусства были созданы на фоне величайшего же апофеоза непросвещенности общества, несущей с собой тьму хаоса. Природная, физическая тьма сопровождается тьмой и метафизической, и экзистенциальной. Титанические умы соседствуют с морем энтропии повседневности. Нутряной звериной сти-

¹ «Проселочным путем люблю скакать в телеге // И, взором медленным пронзая ночи тень, // Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, // Дрожащие огни печальных деревень» [2].

² «Тот, кто ни разу не ползал в одиночестве по безмолвным темным ходам под пирамидой, никогда не сумеет по-настоящему представить, какое ощущение временами охватывает тебя в этих подземельях. [...] Я знаю, что каждая пирамида имеет свою душу [...]. По темному коридору приходится ползти на четвереньках, обходя обвалы; свет лампы вспыхивает искрами, [...] а впереди коридор утопает во мраке. [...] Ты один, и над тобой тридцатиметровая толща скалы, на которой покоится масса пирамиды. Достаточно обладать хотя бы крупицей фантазии, чтобы подобное мгновение навсегда запало в душу» [4].

хии хаоса мироздания противостоит одинокий свет разума. Темнота повседневности массова, множественна, тотальна. Свет разума одиночен, он может исходить только из индивидуального ума, вокруг которого царят грязь, тьма, жестокость, непросвещенность, низменные чувства³. Но и индивид – представитель просвещенной цивилизации – был не менее жесток, чем все окружающие его, и вовсе не обладал пряничной «добротой». Жестокость разумного человека выражалась в праве на оружие, которое может быть пущено в ход; в господстве над непросвещенной массой, над которой господин возвышался как благодаря иерархическому положению, так и своей просвещенности⁴. Но в эпоху великой тьмы и жестокости были созданы творения искусства, которые только и могут послужить оправданием человечеству. Все великие художественные произведения были созданы во тьме метафизической; и чем гуще тьма, тем более ярок одиночный свет разума. Эпоха тьмы распространяется от начала европейской цивилизации до середины XX века, когда после Второй мировой войны наступает современная эпоха света. Но до этого времени еще не чувствуется господство света над тьмой. Научно-технический прогресс Нового времени подверг культуру категорической модификации, но до середины XX века он не был в состоянии развеять тотальность тьмы, наоборот, он ее лишь сгущал: мрачные черно-белые дагерротипы, первое немое кино не несут в себе света, напротив, носят на себе отпечаток смертельного [7, с. 163]; запечатление людей сохраняет их образ после смерти, но также несет в себе ее печать, возвещая зрителю о том, что все персонажи давно умерли. Произведения искусства эпохи технического прогресса конца XIX – первой половины XX века не просвещают собственным светом, но затемняют образом своего черно-белого мира. В этом трагизм и нечеловечность запечатленного: действующие лица фотографии, кино будут мертвы, и созерцаемый образ будет возвещать о смертельном. Это напоминает созерцанию о его собственной конечной участи.

Торжество формального мертвого логоса над живым эйдосом. Апогеем тьмы выступает эпоха Второй мировой войны. И после нее человечество, казалось бы, получило отдых. Поствоенная эпоха, делящаяся по сей день, характеризуется небывалым в истории человечества благоденствием. Эта эпоха света, в которой дефицит природного света (фюзиса) восполнен избытком искусственного света (технологосом) [8, с. 21–28]. Мрачность черно-белого мира старых фотографий замещена освещенным миром искусственных цветов; но моровое поветрие тьмы метафизической сохраняет свою тотальность и в современности, переживающей апогей продукта прогресса техно-логоса – массовой культуры, монополия которой на представление об общем благе достигла невиданного размера. Со всех звучащих устройств во всех публичных местах в уши лезет популярная «музыка», редуцированная до примитивного ритма, удары которого глушат, отупляют сознание; по какому праву она звучит, почему человек, который не хочет это слушать, вынужден это слушать? Почему индивидуальный интерес уничтожается в пользу назойливой общей позиции? Голос массовой культуры повсеместен, слышен из любого динамика, в автобусе, на улице, во дворе, в подъезде, за стеной, в магазине. Система, претендующая на абсолютное бытие, переживает апофеоз своей власти; система – это порождение формального логоса, противоположного логосу живому – эйдосу. Формальный логос – испорченный, мутировавший, искаженный, озлобившийся логос/эйдос, заражен-

³ «Егда ж россветало в день недельный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно» [5].

⁴ «Наблюдая по дороге деревья, дома, [...] я все думал, что нахожусь в Лилипутии. Я боялся раздавить встречавшихся на пути прохожих и часто громко кричал, чтобы они посторонились; такая грубость с моей стороны привела к тому, что мне раз или два чуть не раскроили череп» [6, с. 207].

ный червоточиной [9, с. 59], червем злой воли, паразитом зла, но внешне выглядящий и прикидывающийся нормальным; формальный логос есть логос, которому стала присуща не добрая, но злая воля. Он лежит в основе сферы падшести *das Dasein* (наличного бытия) и не есть феномен (в хайдеггеровском смысле), но прямо ему противоположное – кажимость [10, с. 89]. За формальным логосом скрывается зло, пустота, ничто, сфера *das Dasein*, противостоящая остальным бытийным ареалам – *das Sein* (бытию как таковому) и *die Existenz* (экзистенции) – и уничтожающая их в системе офисов, совещаний, пролонгированных процессов согласований, переговоров о переговорах, пакетах документов, ведущих к превращению мира в бетонную площадку⁵. Увеличение бюрократической системы очевидно; еще в первом десятилетии XXI века документы были разрозненными, штучными, сейчас же главное требование бюрократа – предъявить пакет документов. Количество бумаг колоссально. Заверению, разрешению, согласованию, подтверждению подлежит все. Полученный диплом требуется заверить справкой; но тогда какой силой обладает сам диплом? В то время как такие культурные феномены, как автор и книга, перестали существовать в качестве актуальных и наличных [12], философия не обратила внимания, как документ превратился в субстанцию. Философия, в том виде, в котором она коротает свои дни в современности, слишком слабосильна и беспомощна, чтобы заявить о своих правах; она давно уже сама стала частью системы и оперирует всевозможными документами; система приватизировала философию. В цивилизованном обществе без документа человек ничтожен, он не человек. И никто не собирается отменять документы или упрощать бюрократическую систему. Наоборот, с каждым годом число требуемых бумаг становится все больше. Статус документа бумаге придают многочисленные печати и подписи должностных лиц. Чиновники поставлены в удобные условия; офис, компьютер, принтер с нескончаемым запасом бумаги – все к услугам бюрократов; но сами они только делают вид, что работают. Чиновники умело потопляют все в череде согласований с различными департаментами и отделами во всех без исключения государствах. Бюрократия современности ни в чем не нуждается, все уже расположено под ее рукой; бумага поглощается в огромных количествах. Бюрократическая система не остановится, пока не уничтожит все деревья себе на бумагу, а потом спокойно перейдет на другой носитель; пока на месте леса не возникнет пустыня, цивилизация не успокоится. Пусть погибнет мир, но система дойдет до логического конца, даже если пагубность действий осознается членами самой системы⁶.

⁵ «– Когда выйдет приказ, – провозгласил Домарощинер, – мы двинем [...] не ваши паршивые бульдозеры и вездеходы, а кое-что настоящее, и за два месяца превратим там все в [...] бетонированную площадку, сухую и ровную.

– Ты превратишь, – сказал Тузик. – Тебе если по морде вовремя не дать, ты родного отца в бетонную площадку превратишь. Для ясности» [11, с. 393].

⁶ «– Слушай, [...] я чего понять не могу. [...] Копирайтеры им всем тексты пишут. Но кто за тексты-то отвечает? [...]

– Большой бизнес, – коротко ответил Морковин. – Про олигархов слышал?

– Ага. И что они, собираются и решают? Или в письменном виде концепции присылают?

Морковин зажал большим пальцем горлышко бутылки, потряс ее и стал вглядываться в пузырьки – видимо, его что-то захватывало в этом зрелище. Татарский молча ждал ответа.

– Ну как они могут где-то собираться, – отозвался наконец Морковин, – когда их всех этажом выше делают. [...]

– А по олигархам кто сценарии пишет?

– Копирайтеры. Все то же самое, только этаж другой.

– Ага. А как мы выбираем, что эти олигархи решат?

– Исходя из политической ситуации. Это ведь только говорят – «выбираем». На самом деле особого выбора нет. Кругом одна железная необходимость. И для тех, и для этих. Да и для нас с тобой.

– Так что, олигархов тоже нет никаких? Но ведь у нас снизу доска висит – «Межбанковский комитет». [...]

– Комитет-то мы межбанковский, это да, только все банки эти – межкомитетские. А комитет – это мы. [...]

– Понял, – сказал Татарский. – Кажется, понял... То есть как, подожди... Выходит, что те определяют этих, а эти...

Эти определяют тех. Но как же тогда... Подожди... А на что тогда все опирается?

Не договорив, он взвыл от боли – Морковин изо всех сил ущипнул его за кисть руки – так сильно, что даже оторвал маленький лоскуток кожи.

– А вот про это, – сказал он, перегибаясь через стол и заглядывая в глаза Татарскому почерневшим взглядом, – ты не думай никогда. Никогда вообще, понял?» [13, с. 184–185].

В индивиде сочетаются врожденность сущности личности и чистота опыта; в последней коренится суть механизма возобновляемости системы. Каждый человек проживает жизнь, воспроизводя одни и те же механизмы, проходя те же этапы, которые до него прошли миллиарды. Каждый человек вынужден проходить то же самое, что было до него, потому что его опыт чист. Каждый вынужден проходить детский сад, школу, институт, работу, пенсию, детство, молодость, зрелость, старость, как проходили все это до него миллионы и миллионы. Не пройдешь рабство школы – не сможешь устроиться нигде, не являешься полноценным человеком; живешь – значит, крутишь маховик системы, который никогда не остановится, пока не дойдет до всеобщего краха. Это повторение одного и того же без конца. Массовая культура бесцеремонно влезает в сознание, не спрашивая человека. Дегенеративные процессы проявляют себя не только в музыке, но и в кино. Казалось бы, технический прогресс должен поднять киноискусство, но произошло противоположное: новая техника не делает кино «лучше». Дергающееся неестественное изображение, убыстренные неживые движения цифрового кино не идут в сравнение с пленочными фильмами, снятыми в доцифровую эпоху. Трясущаяся цифровая камера без штатива довершает мрачную картину морового поветрия в кино. Глубинный сущностный итог научно-технического прогресса, породившего техносферу, в том, что технические достижения пошли не на пользу – во вред человеку⁷. Но что очевидно для одного, то неочевидно для другого. Так где же «истинное положение вещей»? В современности никаких «правды», «истины» или «всеобщего блага» нет; это всего лишь высокие слова, за которыми скрыта пустота. Но при всех дегенеративных процессах, характеризующих наличный хронос, люди никогда еще не жили так хорошо, как теперь. Мрак рассеян искусственным светом, но этот свет напрочь убил естественный свет фюзиса и эйдоса; в предыдущие культурно-исторические периоды, в эпоху тотального мрака, была великая метафизика, которая тянулась к естественному свету бытия; высокое стремление к правде, истине, подлинному бытию соседствовало с тьмой и грязью окружающего мира. Эволюция техно-логоса обеспечила профицит света, но повлекла за собой дефицит метафизики. Недостаток света стимулировал мысль на стремление к чистому свету бытия, но современная эпоха всеобщей освещенности повлекла за собой гибель метафизики. Непросвещенность прежних эпох означала великую просвещенность гениев, титанов мысли. Всеобщая освещенность современной эпохи ведет не к повышению разумности людей, но, наоборот, ко всеобщему усреднению, обезличиванию, отчужденности. Несмотря на весь кажущийся достаточно очевидным научный, технический, медицинский, экономический прогресс, человечество так и не развилось нравственно⁸, так и не смогло научиться жить по-человечески [16, с. 332–339], и в этом итог его существования. Ужасающие картины безумия мира, изображенные И. Босхом, П. Брейгелем, Ф. Гойей, верны и поныне. Каждый современник устраивается кто во что горазд: кто пластмассовое окно поставит в обшарпанном здании, кто остекление на балкон, нелепо выглядящее на фоне обвалившейся штукатурки. Все довольны во всеобщей усредненности и замысленности вкуса. Платоновский идеал красоты обезображен, умертвлен. Безвкусице захватило все. И в этом непонимании, массовом наплевательстве, черствости, бездушии, жлобстве, обезображивании платонических идеалов, озлоб-

⁷ «Из темных тоннелей дул прохладный ветерок. Далеко под землей тихо что-то гудело и постукивало. Красный глаз светфора глядел на меня не мигая, тревожно» [14, с. 48].

⁸ «Такие страшные будни тем, что одинаковые, // и в самом спокойном течении времени, // в похожести и плавности дней я угадываю // признаки ужаса еле заметные. // Мир дышит и при каждом вдохе и выдохе // каждую клетку прожигает молнией, // от каждого движения секундной стрелки // в каждый атом бьет тоска по чему-то иному. // Под этим небом ждать только катастрофы, // надеяться на конец, оставаться честным, // каждую секунду быть с собой строгим, // и покажется, что смысл есть в этих песнях. // Пытаться сохранить это ощущение, // пытаться собрать его по обломкам. // Киты выбрасываются на берег – // говорят, их сбивают с курса радиоволны» [15].

ленном отрицании старого, его уничтожении под маской реставрации состоит мелочная суть современности – эпохи пластмассы, которой покрывают старые, обветшавшие стены.

Исход философии к надшести и неподлинности в подчинении ложной общности.

Философия – удел немногих, но ныне она стала конвейером по массовой штамповке «философов». Конвейерное производство «философов», при котором последних с каждым годом становится все больше, привело к тому, что они никому не известны и никому не нужны. Вероятно, «законы конкуренции» должны были работать и в этом случае: «философские» факультеты штампуют «философов» в промышленных масштабах, и «философы», чтобы добиться популярности, занять желанное место под солнцем, должны конкурировать между собой. Но «конкуренция» обернулась коллапсом: во множестве мельтешащих «философов» современности невозможно ничего и никого распознать; из этого множества невозможно вырваться, потому что каждый, стараясь высунуться и стать известным или хотя бы занять более-менее приемлемое хлебное место, вынужден производить все новые и новые «идеи» – в эпоху, когда все уже пройдено. Система замкнулась сама на себя. Конвейерный выпуск «философов» – основная черта современной «философской» системы, которая уничтожила философию, узурпировала ее права. Каким образом масса отштампованных «философов» – выпускников «философских» факультетов относится к философии? Штампованные «философы» относятся к системе, а не к философии. Штампую «философов» (равно как и «социологов», «психологов» и иных прочих ревнителей «наук»), система поддерживает сама себя и одновременно уничтожает философию как таковую. Если вы штампуете «философов» тысячами каждый год (в рамках всего государства), то превращаете их в шестеренки механизма системы. Формальный логос не просто поглотил философию, он ее уничтожил и сам столь удачно замаскировался под философию, что в нынешних обстоятельствах не видно выхода из тупика, поскольку механизм культуры не только слишком инертен, но и включает в себя цепи самозащиты и самовоспроизведения; труп философии и гуманитарного знания в целом опутан по рукам и ногам системой так давно и с такой силой, что этот порядок вещей стал привычным, и невозможно представить себе, что может быть иначе. Философия сама превратила себя в систему, став ею вместо индивидуального стремления философа к бытию, сама попала в расставленную ей же самой ловушку. Число философских заведений и философов росло, и этот распорядок, это мерное движение создавали почву для мертвого формального логоса системы, молчаливо и скрытно порабащивающего философию. И теперь мерилом для философии выступает не мудрость, но число выпущенных и устроившихся где и как придется «философов», которые узурпировали право именоваться таковыми. Нет никакого пути для спасения философии: невозможно сделать так, чтобы философия перестала быть системой, потому что последняя срослась с самой философией, обеспечив себе безопасность. Само мироздание, опутанное сетью *das Dasein*, так устроено, что система захватывает все; мышление полностью подчинено общему, тотальности системы, формальности мертвого логоса, поскольку человек мыслит с помощью языка, а язык – это слуга общего, мирского, иссушающего феномен, который невозможно выразить и понять с помощью языка. Но никакого другого инструмента для описания и определения, кроме языка, у философии нет. Сам феномен в языке, письме, речи не раскрывается, потому что его внемирская сущность сталкивается с поюсторонностью языка. Чем более феномен прост и нагляден в прямом обращении к нему созерцания, тем более он непонятен в определении мирского языка. Словарное определение громоздко и ничего не выражает. Слова определяются через слова. Язык вынужден определять феномен через слова, потому что у языка нет других инструментов; в результате любое определение пред-

ставляет собой нагромождение слов. Феномен в определении умерщвлен. Дать определение феномену – значит убить его; но именно определения требует философское рассмотрение. Определение же как описание феномена мирским языком ничего не проясняет, а наоборот, затуманивает. В требовании определения, выдвигаемого философией и наукой вообще, лежит скрытый жест, идущий от формального мертвого логоса. Философия обращается к бытию, но описывает его мирским письмом, говорит о нем мирской речью. Где же в мирском языке след бытия? Как медиум язык, письмо и речь не только абсолютно непригодны, но опасны; язык не ведет к бытию, он уводит от бытия. Язык не дом бытия, но его тюрьма⁹.

Разве можно описать небо словами? Можно описать музыку словами? Можно описать словами рисунок, кино? Можно, но лучше не описывать небо, а просто смотреть на него. Так почему же философия продолжает добровольно оставаться в плену языка, обращаясь посредством его к бытию? В этом якобы посредстве языка заключен тупик, в который он ведет философию. Философия оставляет все пути к феномену, субстанциализируя путь языка, но именно этот путь никогда не приведет к бытию. Философ рассуждает о бытии, но где же в его словах сама бытийная субстанция, вечная, добродетельная и бесконечная? Феномен требует прямого обращения к себе, без всякого медиумального посредника; это возможно не в мышлении и языке, но только в созерцании. Невозможность описания феномена влечет за собой невозможность его определения. Язык говорит не о феномене, а о самом себе. Любое определение имманентно мертво и бессмысленно. Невозможно представить феномен как категорию: если мы маркируем феномен таковой, бытийное свечение феномена уходит, умирает. Философия стремится описать все с помощью языка, потому что у ней нет иного выхода; философия не знает другого инструмента. В этой монополии языка на описание и объяснение кроется фатальная судьба философии: она стремится к бытию при помощи языка, который уничтожает бытийный феномен. Но философия не может обойтись без языка. Феномен в мире обречен на иссушение. Философия в финальном итоге обречена на безжизненность своих конструкций. Созерцание как подлинная метафизика не требует языка, как не требует языка созерцание неба. Но философия требует и язык, и бытие одновременно, не может отказаться ни от языка, ни от феномена; они противоположны и никогда не сойдутся, как никогда не сойдутся экзистирующая самость и обыденность, цель которой – лакировка и умолчание. Вездесущее бытовое и мирское стремятся залакировать все, что происходит, и умолчать обо всем, что так или иначе неприятно сложившейся конъюнктуре – маске формального логоса. Массовая культура заливают лаком все. Все должно потонуть в потоке лакировочного «все нормально». Жест лакировки должен быть произведен втайне, чтобы его ложная сущность была укрыта от внимания. Философия не избежала подобной участи. Жест лакировки и умолчания в ней повсеместен. Смягчить, сгладить, залакировать, а лучше промолчать – жесты, старающиеся не показываться на поверхности. Система делает правду ложью с помощью лакировки и умолчания, омертвляющих и философию. Лак, покрывающий философскую конструкцию, виден сразу: гегелевская система в ее стремлении все подтянуть, залакировать до блеска, выстроить абсолютную и непротиворечивую структуру не могла привести философию ни к чему хороше-

⁹ «Встречи, слова, обсуждения, // люди с паяльниками, // люди с пишущими, стиральными, швейными, электронными // машинками, машинами, машинищами, // школа мимики, жеста, // оружие в никуда, // вопросы из ниоткуда, // ответы, // тренировка перед зеркалом // с чужими очками, // школы, школки, университеты. // Где я? Кто я? Куда я, куда? // Я отрезаю от себя части, // леплю из них сержантов // внешней разведки, // посылаю их выполнять прокладку // коммуникаций, // они не возвращаются никогда, никогда, никогда! // Меньше, все меньше, меньше // меньше своего того, // которые того что, // больше, все больше, больше // больше какого-то потому что, // в связи, обстоятельства, обязательства, кредит, аванс, долг, // третий в комнате, // третий в телефоне, // третий в постели, // никак нет, так точно, есть. // Где я? Кто я? Куда я, куда? // Я отрезаю от себя части, // леплю из них генералов армии // благополучия, вызываю, // они будут докладывать // о моем передвижении, // карты в штабе не меняются, // никогда, никогда, никогда, никогда!» [17].

му. Лакировка придает вид, но удушает смысл. Самый простой способ залакировать – умолчать, сделать вид, что согласен, выразить «готовность к действию»¹⁰. Лакировка уничтожает философию и уничтожает индивида. Лакируя, умалчивая и даже просто соглашаясь с лакировкой или умолчанием, человек отчуждает свою самость; это обычный механизм коммуникации в сфере *das Dasein*. Соглашаясь с лживым жестом, индивид делает выбор не в пользу себя; то же самое произошло и с философией.

Забвение самости под ничтожащей маской общего. Речь современного человека замусорена пустыми, ничего не значащими словами и фразами вроде «действительно», «так и есть», «вы совершенно правы», «граждане еще сильнее сплотились», «в познании человечество идет к истине», «осмысление феномена искусства – важная составляющая философии» и так далее без конца. Пустые, ничего не значащие слова, штампы и ложь, которая в них скрывается, повсюду. Пустое слово – маркер скрытого смысла, тайной цели, которая не может не проявить себя. Пустое слово, как всякий жест, своим появлением сигнализирует о секретном стремлении своего инициатора. Штамп – явленное, осуществившееся повторение, чье назойливое размножение является принципиальным условием. Штамп штампуются; штамповка его поставлена на поток, бесконечный конвейер. Смысловое пространство наличного хроноса засорено штампами, стремящимися к распространению, размножению. Жизнь штампа сосредотачивается в стремлении заполнить все собой. Все должно быть отмечено штампом, всюду должен стоять штамп. Смысловое излучение образа должно быть придавлено штампом, коему необходимо, чтобы на каждом образе стоял штамп. Только проштампованный образ имеет право на существование в понимании штампа; свобода же образа в том и состоит, чтобы противостоять штампу. Нештампованный образ уникален, самобытен. Проштампованный образ – серый, обыденный. Бытовое и мирское вооружаются штампами в борьбе против трансцендентности образа. Проштампованный образ теряет свою потустороннюю силу. Штамп – оружие «действительности» в борьбе против трансцендентного излучения образа, который в корне своем потусторонен. Штамп припечатывает образ к земле, делая его рабом «действительности». Редкость свободного образа делает его уникальным; обнаружение чистого образа на свалке штампов приводит созерцание в трепет. Суть штампа в массовидности и повторяемости, не приводящей к общности, а имитирующей ее – как ложное повторение, маскирующееся в различии [18, с. 36]. Философия испещрена штампами; различные ходы, обороты, фразы, жесты, концепты, заголовки превратились в штампы, что не могло не сказаться на философии. Ни одна современная философская система не избежала штампов, бороться с которыми совершенно невозможно, поскольку методы такой борьбы не ясны; в ситуации, когда все стало штампом, невозможно найти опору для борьбы с ним. Язык не может служить оружием в борьбе со штампами – он сам рад проставить штампы. Все, что было в философии, давно стало штампом. Каждый использовал, использует и будет использовать штампы, от коих избавиться немислимо. Штамп тотален. На всем стоит штамп, сковывает все, больше нельзя придумать ничего нового. Как «развивать» философию, если весь ее багаж превращен в штамп? Если просто наштамповывать «новые» концепты, то это будет вовсе не «развитие» философии. В конечном мире бесконечной может быть только штамповка. Но зачем воспроизводить одно и то же без конца? Философия (и не только она – вся культура) проиграла в битве со штампом. Жизнь вся сплошной штамп; только потусторонний образ манит созерцание своей уникальностью. Задача штампа – превратить уникальность образа в привычность, замылен-

¹⁰ « – Дурак, – прошептали у него над ухом. – Соври что-нибудь с серьезным видом, и все. Что ты мучаешься? Кто там тебя будет проверять?» [11, с. 486].

ность. И это удастся сделать; образ легко превращается в штамп. Более того – созерцание само может сделать образ штампом: если оно слишком часто обращается к образу, то последний теряет свою манящую потусторонность, становится обыденным. Так созерцание ставит штамп на образ, само того не желая. Поэтому созерцанию приходится быть осторожным. Созерцание страдает из-за своей временности и старается обращаться к образу как можно чаще, чтобы продлить пребывание во внутреннем хронотопе образа. Но чем чаще созерцание входит во внутреннее пространство образа, тем более привычным оно ему становится. И созерцание уже не испытывает трепета перед образом; он стал привычным, знакомым – стал штампом.

Еще хуже пустых слов и штампов высокие слова, пытающиеся натянуть маску всеобщей благодати; если пустые слова просто ничего не значат и сразу отсылают к скрытому намерению, то высокие слова ведут к ложной цели, вводят в опасное заблуждение. Философия не просто не избежала подобной прискорбной для нее участи, но, наоборот, пустые слова, лакировка, умолчание и высокие слова используются в ней повсеместно. Лакировка и пустые слова возвещают о ложности философской системы, которая их использует. Это очередная ловушка языка, в которую намертво попадает философия. Письмо не может обойтись без этих жестов, поскольку язык так устроен. При отказе от всех ложных жестов письмо оскудевает. Философия будет воспроизводить ложные основания без конца. Но в современной философии больше не может быть обращения к общему, потому что его просто нет. Классическая метафизика была философией общего, общего–субстанции, общего–бытия; параллельно крушению старой метафизики произошло и крушение общего. Общее больше не может служить основанием для философии, поскольку для современного философского мышления оперирование общностями ложно. После крушения классической метафизики применение общего больше не придает философской системе основания, но, наоборот, подрывает ее. Откуда же происходит общее, почему его настоящее основание стремится скрыться, объявляя свою безусловность? Природа общего проистекает из совместности человеческого бытия; единственность мира, его тотальная обыденность и прозаичность, вынужденная совместность существования в нем выступают онтологической основой общего, но это не значит, что у общего как такового субстанциальное бытие. Замкнутость жизни человека – то, что уничтожает субстанциальность общего. Реальность общего ложна, поскольку уникальность самости непреодолима (как можно убедиться нам из данного опыта). Совместность бытия в мире не может прорваться сквозь замкнутость личностного хронотопа. У каждого своя жизнь, чужую прожить невозможно. Это уничтожает общее, оно онтологически невозможно, поскольку даже предельная характеристика бытия в мире – совместность бытия (соответственно, совместность существования как мирской модус, а также совместность проживания как бытовой модус совместного бытия) не в силах свести замкнутость жизни человека к общности. Однако общее, как уже было сказано выше, самовоспроизводится за счет чистоты опыта каждой жизни; подобный гомеостазис общего также не делает его субстанцией. Не найдя реального основания, общее ищет ложное основание, прикрываясь которым, оно может заявить о своей субстанциальности. И общее находит такое основание в языке. Мышление, основанное на языке, наука, основанная на языке, обыденное рассмотрение так устроены, что отсылают к общему. Языку проще оперировать общностями. Повсюду в языке встречается след общего, суждения ложной общности. Проще суммировать разные обстоятельства и свести их к одному основанию, чем постоянно мыслить их раздельно. Общее находит свою основу в языке повсюду, и в банальных пересудах и разговорах, и в бытовой речи, и в науке. Язык так устроен, что использует общее, но действующее только на уровне слов; общность же соразделенных челове-

ских переживаний поглощается черной бездной времени. Существующее на словах общее гипостазуется мышлением и приобретает статус субстанции, ложный статус, выторгованный общим у мышления. Общее лезет в мир, стремясь стать трансцендентным. И общему удается сделать такой ход. Субстанциализированные пустые общности воспроизводятся в культурном хронотопе без конца. Общие идеи стремятся захватить господство, сделав вид, что не только есть какая-либо реальная общность, но и разделяемая «всеми», «большинством» общая позиция; люди же могут быть связаны только бытовым модусом общности – совместностью проживания. Эта привязка к месту (понимаемому не только буквально топографически, но и как «месту в жизни») есть то единственное, что может связывать разные личностные хронотопы воедино и одновременно быть сковывающими их цепями: бытовая общность проживания закрепощает индивидуальную жизнь. Чем меньше поселение, тем сильнее интерференция жизненных миров, рабство бытовой привязанности к месту. Чем больше город, тем меньше влияние других на индивидуальную жизнь, тем меньше степень бытового рабства. Но быт отыгрывается на зараженности города, отравленности воздуха, воды, земли, неба и людей, живущих в нем.

Другой источник общего – беличье колесо жизненного цикла – также дает разные возрастающие степени несвободы. Чем старше человек, тем сильнее степень его вовлеченности в рабство общего, начинающееся еще в детстве, крайне возрастающее в казарме школы. Совместность и обязательность школьного образования указывает на утверждающееся в своем праве общее. Десятилетие невозобновимой жизни человек тратит на то, чтобы заплатить подобие социального налога. Дом дает общность проживания, школа дает общность связи, которой потом несведущие дорожат и берегут, время от времени подновляя путем встречи с разделившими рабскую участь. Никто не уйдет от растворения в общем; после того, как школа выбрасывает ставший ненужным повзрослевший материал, наступает время других проявлений общего: быта, семьи, работы... Свобода это главное, но общее ее уничтожает. Общее приватизирует уникальность жизни человека, использует личность, потом выбрасывает за ненужностью или передает на следующую ступень. У общего нет лица, есть только маски, оно антифеноменально; это явленное ничто, торжество пустоты, небытия, выдающего себя за действительное. За общим ничего нет. Если сорвать маску с общего, то ничего нельзя обнаружить. Но всюду в языке и мышлении оно присутствует: «философия развивается» или «философия в настоящее время переживает кризис» – фразы, отсылающие к пустому общему, от которого человек не может избавиться, потому что не умеет по-другому. Без суждений ложной всеобщности не обойтись; это явление характеризует и современное состояние философии. В основе ложного суждения, приписывающего себе общую значимость, но не обладающего таковой, лежит скрытый жест приписывания, присвоения, приватизации. Мелочь, несущественный факт, одиночное событие стремятся сыграть более весомую роль, стремятся монополизировать свое положение, представить себя в выгодном свете. То, что стремится стать всеобщим, будучи невлиятельным, производит тщательно маскирующийся жест; этим общее значение притягивается, приватизируется. Жест сливает общее со стремящимся к нему. Страждущее всеобщего значения явление маскируется под массовость, всеохватность, распространенность, естественность, привычность, правильность, понятность. Суждение ложной всеобщности претендует на общность, не имея прав; оно монополизирует ее, заявляя тем самым о себе. Но такое присвоение общего основания внутренне ложно, и такой жест поддается обнаружению и разоблачению. Не только в философии присутствуют суждения ложной всеобщности; язык заражен такого рода высказываниями; «это уже известно всем», «понятно», «совершенно естественно», «уже знает каждый», «все уже знают об этом» – во «всем» и содержится скрывающийся жест ложной всеобщности, являющийся знаком, отсылающим к общему; на деле под этим знаком скрывается пустота. За «всем»

ничего нет, нет никакой отсылки к «всеобщим значениям». Такое суждение ложно и лживо, оно не отсылает ни к какому общему, ни к какому основанию. Основание суждения ложной всеобщности лежит только внутри него самого, хотя такое суждение апеллирует к внешнему «объективно существующему» общему. В современности такие суждения производят обратный эффект. Если в классической культурной традиции такого рода жесты еще исполняли свое предназначение, то в наличном хроносе суждения ложной всеобщности только показывают свою лживость, не отсылают к общему. «Мы за», «мы знаем» – постоянные темы разговоров; но за «мы» не содержится никакой реальной общности. Тотальность «мы» неподлинна и ложна¹¹; в конечном счете всякая общность синтезирована, искусственна. Чем больше тотальность заявляет о своей естественности, тем более она искусственна. Суждение ложной всеобщности привыкло взывать к обычности, естественности, привычности, спокойной текучести будней. Мирские дела стараются укорениться во временном «всегда». Но подобные отсылки столь же ложны, как и заявления о нерушимом единстве и подлинной тотальности. Сонм конечных мирских дел старается укорениться в кажущейся вечности «всегда» и тотальности общего. Множество мелких дел стараются натянуть на себя покров слитной тотальности. Но под этой искусственной тотальностью – мельтешение бытовых проблем; под кажущейся неизменностью «всегда» – сиюминутность и бренность хроноса.

Список литературы

1. Политов А.В. Сравнительный анализ понятий семантического мира В.В. Налимова и хронотопа М.М. Бахтина // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2017. – Т. 17. – Вып. 4. – С. 24–32. DOI 10.17506/tyipl.2016.17.4.2432
2. Лермонтов М.Ю. Родина [Электронный ресурс]. – URL: <http://ilibrary.ru/text/997/p.1/index.html> (дата обращения: 10.04.2018).
3. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
4. Гонейм М.З. Потерянная пирамида [Электронный ресурс]. – URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000251/st010.shtml> (дата обращения: 10.04.2018).
5. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/read/neizvesten_avtor/gitie_protopopa_avvakuma_im_samim_napisannoe.html#0 (дата обращения: 10.04.2018).
6. Свифт Д. Путешествия Гулливера. Сказка бочки. – М.: Эксмо, 2007. – 592 с.
7. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. – 272 с.
8. Железняк В.Н. Логос и технологии // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2015. – № 2. – С. 21–28.
9. Сартр Ж.–П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
10. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск: Водолей, 1998. – 384 с.
11. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Пикник на обочине; Отель «У погибшего альпиниста»; Улитка на склоне. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. – 624 с.
12. Барт Р. Смерть автора [Электронный ресурс]. – URL: http://24centre.ru/uploads/files/Texts/Publicisticheskie/Smert_avtora.pdf (дата обращения: 10.04.2018).
13. Пелевин В.О. Generation «П». – М.: Вагриус, 2004. – 464 с.

¹¹ «Я ненавижу слово мы. // Я слышу в нем мычанье стада, // Безмолвье жуткое тюрьмы // И гром военного парада» [19].

14. Гайдар А.П. Судьба барабанщика. – М.: Детская литература, 2007. – 183 с.
15. Алехин Е., Михайлов С. Тоска атома [Электронный ресурс]. – URL: <http://night-loaders.livejournal.com/2551.html#cutid1> (дата обращения: 10.04.2018).
16. Железняк В.Н. Компетенция жить // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. – С. 332–339.
17. Кормильцев И.В. Кто я? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nautilus.ru/SONGSS270.HTM> (дата обращения: 10.04.2018).
18. Дьяков А.В. Жиль Делез. Философия различия. – СПб.: Алетейя, 2012. – 504 с.
19. Ковенацкий В.А. Я ненавижу слово мы [Электронный ресурс]. – URL: <http://kovenatsky.ru/poems/?text=017> (дата обращения: 10.04.2018).

References

1. Politov A.V. Sravnitel'nyi analiz poniatii semanticheskogo mira V.V. Nalimova i khronotopa M.M. Bakhtina [Comparative analysis of concepts of semantic world of V.V. Nalimov and chronotope of M.M. Bakhtin]. *Research yearbook. Institute of philosophy and law. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 24–32. DOI 10.17506/ryipl.2016.17.4.2432
2. Lermontov M.Iu. Rodina [Homeland], available at: <http://ilibrary.ru/text/997/p.1/index.html> (accessed 10 April 2018).
3. Derrida J. O grammatologii [About grammarology]. Moscow, Ad Marginem, 2000, 512 p.
4. Goneim M.Z. Poteriannaia piramida [The lost pyramid], available at: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000251/st010.shtml> (accessed 10 April 2018).
5. Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe [The life of the archpriest Avvakum, he himself wrote], available at: https://royallib.com/read/neizvesten_avtor/gitie_protopopa_avvakuma_im_samim_napisannoe.html#0 (accessed 10 April 2018).
6. Swift D. Puteshestviia Gullivera. Skazka bochki [Gulliver's travels. Tale of the barrel]. Moscow, Eksmo, 2007, 592 p.
7. Bart R. Camera lucida. Kommentarii k fotografii [Camera lucida. Comment on the photo]. Moscow, Ad Marginem Press, 2011, 272 p.
8. Zhelezniak V.N. Logos i tekhnologii [Logos and technologies]. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2015, no. 2, pp. 21–28.
9. Sartre J.–P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii [Being and nothingness: The experience of a phenomenological ontology]. Moscow, Respublika, 2000, 639 p.
10. Heidegger M. Prolegomeny k istorii poniatia vremeni [Prolegomena to the history of the concept of time]. Tomsk, Vodolei, 1998, 384 p.
11. Strugatskii A.N., Strugatskii B.N. Piknik na obochine; Otel' "U pogibshogo al'pinista"; Ulitka na sklone [Roadside Picnic; Hotel "The Dead Mountaineer"; Snail on the slope]. Moscow, OOO "Firma "Izdatel'stvo AST"; Saint Petersburg, Terra Fantastica, 1999, 624 p.
12. Bart R. Smert' avtora [Death of the author], available at: http://24centre.ru/uploads/files/Texts/Publicisticheskie/Smert_avtora.pdf (accessed 10 April 2018).
13. Pelevin V.O. Generation "P" [Generation "P"]. Moscow, Vagrius, 2004, 464 p.
14. Gaidar A.P. Sud'ba barabanshchika [The fate of the drummer]. Moscow, Detskaia literatura, 2007, 183 p.
15. Alekhin E., Mikhailov S. Toska atoma [The melancholy of the atom], available at: <http://night-loaders.livejournal.com/2551.html#cutid1> (accessed 10 April 2018).
16. Zhelezniak V.N. Kompetentsiia zhit' [Competence to live]. *Formirovanie gumanitarnoi sredy v vuze: innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii. Kompetentnostnyi podkhod: materialy XIV Vserossiiskoi nauchno–prakticheskoi konferentsii*. Perm, 2014, pp. 332–339.
17. Kormil'tsev I.V. Kto ia? [Who am I?], available at: <http://www.nautilus.ru/SONGS/S270.HTM> (accessed 10 April 2018).
18. D'jakov A.V. Zhil' Delez. Filosofii razlichia [Gilles Deleuze. Philosophy of difference]. Saint Petersburg, Aleteia, 2012, 504 p.
19. Kovenatskii V.A. Ia nenavizhu slovo my [I hate the word we], available at: <http://kovenatsky.ru/poems/?text=017> (accessed 10 April 2018).

Получено: 13.04.2018

Принято к печати: 29.08.2018